

Ставропольская ПРАВДА

Орган Ставропольского Крайкома и горкома ВКП(б)
и Краевого Совета депутатов трудящихся

№ 101 (2723) | Суббота 15 мая 1943 г. | Цена 20 коп.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

ВЕЧЕРНЕЕ СООБЩЕНИЕ 14 МАЯ

В течение 14 мая на Кубани, северо-восточнее Новороссийска, наши войска вели огневой бой с противником. На других участках фронта ничего существенного не произошло.

* * *

На Кубани, северо-восточнее Новороссийска, наши артиллеристы и минометчики обстреливали укрепления противника. Расчет тяжелого орудия, где командиром сержант Павленко, прямым попаданием снаряда взорвал крупный немецкий склад с боеприпасами. Минометчики под командованием лейтенанта Комленка уничтожили до взвода пехоты и 2 пулемета противника. Летчик сержант Михайлов вступил в бой с вражеским бомбардировщиком и дважды таранил немецкий самолет. „Юнкерс-88“ упал на нашей территории. Тов. Михайлов благополучно приземлился на своем аэродроме.

В низовьях Кубани наши отряды отбили несколько контратак противника и уничтожили до 100 гитлеровцев. Захвачено много винтовок, 4 пулемета и лодка с боеприпасами.

* * *

В районе Лисичанска наши части вели активные боевые действия и выбили немцев из укрепленных позиций. На поле боя осталось до 200 вражеских трупов. Захвачены 2 миномета, 3 крупнокалиберных пулемета, склад боеприпасов и радиостанция.

* * *

Южнее Балаклеи наши бойцы окружили и истребили разведывательную группу противника численностью в 80 человек. Взяты пленные и трофеи.

* * *

На Волховском фронте наши части вели обстрел вражеских позиций. Разрушены 20 дзотов и блиндажей, взорваны 3 склада с боеприпасами, уничтожены 3 автомашины и несколько повозок с военными грузами. На одном участке наши разведчики взорвали 3 немецких дзота и захватили 9 пулеметов, 10 автоматов и радиостанцию.

* * *

Партизанский отряд, действующий в одном из районов Могилевской области, за последнее время пустил под откос 3 немецких воинских эшелона. Уничтожено 3 паровоза, 52 вагона и платформы.

Другая группа партизан совершила налет на тюрьму и освободила 13 арестованных немцами советских граждан. Подрывники партизанского отряда имени Котовского взорвали поезд противника с горючим. Сгорело 19 цистерн с бензином.

* * *

На Кубани на поле боя найдено письмо обер-лейтенанта Ганса Пежа 1-й батареи 31-го немецкого артиллерийского полка обер-лейтенанту Шумф-Бибербах в Берлин. „...Я просто не в состоянии описать тебе, что у нас тут произошло. Мы сражались в ближнем бою, и я потерял оружие и 19 человек. Пятая батарея потеряла все свои 4 орудия, 12 человек убитыми и 25 пропавшими без вести. При отступлении пришлось бросить 65 раненых. Все это сплошное идиотство. Наша жизнь не стоит феннига. Русские появляются в самых невозможных местах“.

* * *

Получено сообщение о новых чудовищных злодеяниях немецко-фашистских извергов. В течение февраля и марта гитлеровцы учинили кровавую расправу над мирными жителями Суражского района, Витебской области. Немцы зверски замучили и расстреляли многих мужчин, женщин и детей. Гитлеровцы насильно угнали на каторжные работы в Германию несколько тысяч взрослых и подростков. Спаслись от фашистской каторги только те, кто скрылся в лесах.

* * *

Иностранные рабочие, насильно привезенные в Германию, мстят немецким рабовладельцам, ломают оборудование, портят сырье, совершают диверсионные акты. Близ Эссена французы организовали крушение эшелона с горючим. Возникшим пожаром уничтожено 14 железнодорожных цистерн. За один месяц норвежцы и французы, работавшие в Рейнском пароходстве, вывели из строя 3 катера и 7 буксиров. В Бремене бельгийская патриотка сожгла военную гостиницу, в которой она работала уборщицей. Гостиница сгорела дотла. Близ Дюссельдорфа югославы и французы потопили немецкий пароход, перевозивший военные грузы.

Нота Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова о массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии

Народный Комиссар Иностранных Дел тов. В. М. Молотов направил 11 мая с. г. всем послам и посланникам стран, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, ноту следующего содержания:

„По поручению правительства Союза Советских Социалистических Республик имею честь довести до вашего сведения следующее:

Военные и гражданские власти Советского Союза обнаружили за последние 6 месяцев на территории, освобожденной Красной Армией от немецкой оккупации в ходе зимней кампании 1942—1943 гг., новые доказательства бесчисленных жесточайших злодеяний немецких властей над советским гражданским населением. По планам и инструкциям гитлеровского правительства и военного командования немецко-фашистские власти повсеместно грабили, истязали, убивали советских граждан, умерщвляли военнопленных, подвергали сплошному разрушению советские города и деревни, уводили в немецкое рабство сотни тысяч советских граждан. Немецко-фашистские зверства, примеры которых уже доводились советским правительством до сведения иностранных правительств, осуществлялись гитлеровцами везде, куда ступала их нога, и имели еще более всеобъемлющий характер, чем об этом можно было судить до изгнания немцев с занимавшейся ими территории.

ПЛАНЫ И ПРИКАЗЫ ГИТЛЕРОВСКИХ ВЛАСТЕЙ О ПОРАБОЩЕНИИ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ ОККУПИРОВАННЫХ СОВЕТСКИХ РАЙОНОВ

Захваченные Красной Армией в штабах разгромленных немецко-фашистских войсковых документов, а также рассказы и письма советских людей, письма германских солдат и офицеров и их родственников свидетельствуют о том, что превращение многих сотен тысяч советских граждан в рабов, покупка и обмен их на специальных невольничьих рынках в Германии, возведены в систему, регламентированную приказами и распоряжениями германского правительства.

Как явствует из имеющихся в распоряжении Советского правительства документов, еще 7 ноября 1941 года в Берлине состоялось секретное совещание, на котором рейхсмаршал Геринг дал своим чиновникам указания об использовании советских людей на принудительных работах в Германии. Первое указание гласило: „Русские рабочие доказали свою способность при построении грандиозной русской индустрии. Теперь их следует использовать в Германии... Это является делом соответствующих властей и тайной полиции“ (приложение 1-е к секретному циркуляру

Насильственный увод в Германию, зверская эксплуатация и систематическое истребление порабощенных советских мирных жителей занимают особое место в длинной цепи подлых преступлений немецко-фашистских захватчиков и в расчетах их главарей.

Как видно из имеющихся в распоряжении советского правительства документов, насильно угоняя советских мирных граждан в рабство, гитлеровская преступная банда преследует прежде всего цель — восполнить острый недостаток рабочей силы в Германии и высвободить из немецкой промышленности дополнительные людские резервы для сильно потрепанной гитлеровской армии. Немецко-фашистские власти и многие частные лица из гражданского населения Германии, эксплуатирующие подневольный труд советских граждан, подвергают их всяческому издевательству, унижению их человеческого достоинства и обрекают на гибель от непосильного рабского труда, голода и истязаний.

Советское правительство считает своим долгом довести до сведения всех народов новые документы и факты о неслыханных злодеяниях, чинимых немцами над угоняемыми в Германию советскими гражданами, обрабатываемыми в рабство, а также заявить о неминуемом возмездии за все совершенные ими преступления.

1.

№ 42006 — 41 хозяйственного штаба германского командования на Востоке от 4 декабря 1941 года.

В этом же циркуляре (второй раздел приложения) предусматривается, что порабощенных советских граждан „следует использовать, главным образом, для дорожного строительства, строительства железных дорог, уборочных работ, разминирования и устройства аэродромов. Следует расформировать немецкие строительные батальоны (например, военно-воздушного флота). Немецкие квалифицированные рабочие должны работать в военной промышленности; они не должны копать землю и разбивать камни, для этого существует русский“.

„Русского, — давал указание Геринг в том же секретном документе (раздел IV, пункт А 4), — необходимо использовать в первую очередь на следующих участках работы:

горное дело, дорожное строительство, военная промышленность (танки, орудия, аппаратура для самолетов), сельское хозяйство, строительство, крупные мастерские, (сапожные мастерские),

специальные команды для срочных непредвиденных работ“.

В названном документе Геринг в следующих словах подтвердил, что гитлеровская клика нагло попирает элементарные международные нормы и правила, применяемые к гражданскому населению оккупированных территорий: „Использование русских гражданских рабочих, — говорится в разделе „Б“ секретных указаний, — обращение с ними должны практически ни в чем не отличаться от использования военнопленных и обращения с ними“.

Бесчеловечность режима, установленного немецкими фашистами для советских военнопленных, общеизвестна.

Наконец, в том же документе Геринг дал кровавый приказ не падать советских людей, пригнанных в Германию, и расправляться с ними самым жестоким образом под любым предлогом. Этот приказ, содержащийся в разделе IV, пункта А—7 упомянутого документа, гласит: „При применении мер поддержания порядка решающим соображением являются быстрота и строгость. Должны применяться лишь следующие разновидности наказания, без промежуточных ступеней: лишение питания и смертная казнь решением военно-полевого суда“.

Для проведения в жизнь чудовищной рабовладельческой программы был создан огромный чиновничий аппарат. „Главным уполномоченным по использованию рабочей силы“ Гитлер назначил приказом от 21 марта 1942 года гаулейтера Фрица Заукеля. Последний 20 апреля 1942 года разослал в строго секретном порядке правительственным и военным органам свою „Программу главного уполномоченного по использованию рабочей силы“. В этом документе говорится: „Крайне необходимо полностью использовать в оккупированных советских областях имеющиеся людские резервы. Если не удастся добровольно привлечь нужную рабочую силу, то необходимо немедленно приступить к мобилизации или к принудительному подписанию индивидуальных обязательств. Наряду с уже имеющимися военнопленными, находящимися в оккупированных областях, главным образом необходима мобилизация гражданских квалифицированных рабочих и работниц из советских областей в возрасте старше 15 лет для использования их на работе в Германии“.

В той же „программе“ (раздел „Задачи“, пункт 4) Фриц Заукель заявлял:

(Продолжение см. на 2 стр.)

Нота Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова о массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии

(Продолжение.
Начало см. на 1 стр.)

„Для того, чтобы заметно разгрузить от работы крайне занятую немецкую крестьянку, фюрер поручил мне доставить в Германию из восточных областей 100-150 тысяч отборных, здоровых и крепких девушек“.

Агенты Заукеля приступили к учету всего работоспособного населения в оккупированных районах СССР. Взятым на учет гражданам предлагали „добровольно“ выехать на работу в Германию. Но так как добровольцев почти не оказалось, немцы распустились применить меры насилия. Еще 26 января 1942 года „хозяйственный штаб германского командования на Востоке“ в секретной инструкции (номер БР-98 510-42) требовал:

„Если число добровольцев не оправдывает ожиданий, то согласно приказанию во время вербовки следует применять самые строгие меры“.

Подстрекая своих подчиненных, Фриц Заукель телеграфирует им 31 марта 1942 года (за № ФА 5780 28-729) следующий приказ:

„Вербовка, за которую вы отвечаете, должна форсироваться всеми доступными мерами, включая суровое применение принципа принудительности труда“.

„Вербовщики“ работорговца Заукеля изощрялись в разных мерах давления на советских граждан, чтобы завлечь их в немецко-фашистское рабство. Тех, кто не являлся по вызову оккупационных властей, лишали всех средств к существованию. Изголодавшихся людей заманивали на вокзалы под предлогом раздачи хлеба, а затем оцепляли солдатами и под угрозой расстрела грузили в эшелоны. Но и эти меры не помогали. Тогда немецкие власти стали делать разверстку по городам и сельским районам, причем каждый город и район должны были обязательно поставить определенное число жителей для отправки в Германию. Так, по районам оккупированной части Ленинградской области, в частности в районе Пожеледицы, был разослан приказ германской комендатуры следующего содержания:

„Волеостным бургомистрам!... Так как до сих пор на работу в Германию заявлялось очень малое количество людей, то каждый волеостный бургомистр должен совместно со старостами деревень поставить еще по 15 и больше человек от каждой волости для работы в Германию. Поставить людей поздоровее в возрасте от 15 до 50 лет. Этим людям нужно обязательно до 4 июня 1942 года прислать в Пожеледицы. Комендант Пожеледицы“.

В распоряжении Советского правительства имеется полный текст доклада начальни-

ка политической полиции и службы безопасности при руководителе СС в Харькове „О положении в гор. Харькове от 23 июля по 9 сентября 1942 г.“

— Вербовка рабочей силы, — говорится в этом документе, — доставляет соответствующим учреждениям беспокойство, ибо среди населения наблюдается крайне отрицательное отношение к отправке на работу в Германию. Положение в настоящее время таково, что каждый всеми средствами старается избежать вербовки (притворяются больными, бегут в леса, подкупа-

ют чиновников и т. д.). О добровольной отправке в Германию уже давно не может быть и речи“.

Таким образом, из официальных германских документов явствует, что массовый увод советских граждан в немецкое рабство, с приравнением их к военнопленным, являлся задачей, заранее поставленной гитлеровскими главарями перед немецко-фашистскими оккупационными властями, и что для осуществления этой задачи оккупанты не останавливались ни перед каким насилием над советским гражданским населением.

II.

НАСИЛЬСТВЕННЫЙ УВОД СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ В НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЕ РАБСТВО

Во исполнение злодейских планов гитлеровского правительства немецкие власти организовали массовый увод мирного советского населения в немецкую неволю со всей оккупированной советской территории, уже и не пытаясь соблюдать даже видимость какой-либо „добровольности“. На захватывавшейся немцами советской земле нет буквально ни одного города, ни одного села, ни одного населенного пункта, из которого немецко-фашистские разбойники не угнали бы в рабство значительную часть населения, составляющую в некоторых крупных городах десятки тысяч мужчин, женщин, подростков и детей.

Так, из Кривого Рога немцы насильно увезли свыше 20 тысяч человек, из Курска и прилегающих 9 районов 29 тысяч 381 чел., из Харькова (по официальным германским данным на август 1942 года) свыше 32 тысяч, из Мариуполя — 60 тысяч, из Сталино на принудительные работы в Германию был отправлен до июля 1942 года 101 эшелон. Из одного только села Малиновка, Харьковской области, гитлеровцы угнали в немецкое рабство 820 мужчин, женщин и детей. В селе Солдатском, Воронежской области, гитлеровцы собрали из окрестных деревень 11 тысяч человек, среди которых было много женщин, подростков и детей; несколько дней несчастные ютились в конюшнях, сараях, землянках; немецкие власти морили их голодом и никуда не выпускали, а затем погнали в Германию. В Воронцово-Александровском, Ставропольского края, гитлеровцы накануне своего отступления согнали 800 советских граждан с тем, чтобы насильно отправить их в Германию, но подоспевшие части Красной Армии спасли мирных жителей от страшной участи.

Во всех освобожденных от фашистских захватчиков городах и селах части Красной Армии обнаруживают многочисленные факты массового угона гражданского населения в немецкое рабство,

Имеются признания гитлеровских главарей, дающие некоторое представление о гигантских масштабах небывалого в истории цивилизованных народов пленения и превращения в рабов миллионов мирных жителей. Так, по утверждению гитлеровского сатрапа „рейхскомиссара Украины“ Эриха Коха, опубликованному в январе 1943 года в „Дейче Украине-цейтунг“, „в Германию отправлено 710 тысяч украинцев“. По заявлению возглавляемого Заукелем „Управления по использованию рабочей силы“, опубликованному в газете „Минскер дейтунг“ 14 января с. г. „за 1942 г. в Германию отправлено около 2 миллионов душ из оккупированных областей на Востоке“.

Как видно из документальных материалов и показаний жителей освобожденных Красной Армией районов, немецко-фашистские власти из месяца в месяц охватывали своей насильной „вербовкой“ все новые категории населения и в некоторых пунктах, особенно при отступлении, уводили с собой, для отправки в глубокий германский тыл, поголовно все население, способное передвигаться. Если ранее агенты гитлеровских работорговцев стремились отбирать лишь физически наиболее здоровых и выносливых, в возрасте преимущественно от 15 до 45 лет, то за последние месяцы, совпадающие с проводимой гитлеровцами „тотальной“ (всеобъемлющей) мобилизацией, в рабство уводятся и больные и инвалиды, причем возраст порабащаемых колеблется уже между 12 и 60 годами. С присущей гитлеровцам садистской жестокостью они разбивают при уводе в рабство семьи, разлучая родителей и детей, братьев и сестер, жен и мужей.

Целые города и районы обезлюдели в результате организованного похищения и истребления советских людей гитлеровскими людоедами. Вот некоторые типичные данные по недавно освобожденному Красной Армией Гжат-

скому району, Смоленской области: в этом районе, насчитывавшем до немецкой оккупации 302 тысячи жителей, осталось к моменту прихода Красной Армии около 7 с половиной тысяч человек, причем из деревень Гжатского района в Германию было угнано 5.419 человек, в том числе 624 „работоспособных“ ребенка в возрасте менее 14 лет, а в городе Гжатске, в котором до оккупации было более 13 тысяч жителей, в день освобождения от захватчиков оказалось немногим больше 1 тысячи человек — в подавляющем большинстве своем разлученных со своими родителями малолетних детей.

Угону советских людей в немецкую неволю почти повсеместно сопутствуют кровавые репрессии захватчиков против советских граждан, укрывающихся от охотящихся за ними рабовладельцев. Так, в Гжатске немцы расстреляли 75 мирных жителей города, не явившихся на сборный пункт, куда они были вызваны повестками коменданта для отправки в Германию. В Полтаве в конце декабря 1942 года была приговорена к повешению группа 65 железнодорожников, отказавшихся ехать на гитлеровскую каторгу в Германию. Оккупационные власти приравнивают всех уклоняющихся от „вербовки“ в Германию к партизанам, объявляют их вне „закона“, направляют карательные экспедиции в районы, не выполнившие „разверстки“ по поставке рабов, сжигают целые деревни и расстреливают сотни людей. В деревнях Слуцкого района в Белоруссии в конце февраля с. г. были вывешены объявления за подписание германского окружного комиссара, в которых говорилось: „Все жители, как мужчины, так и женщины, рождения 1900—1927 гг., должны явиться 2 марта 1943 года в 10 часов утра в уездную управу для освидетельствования и отправки на работу в Германию. Взять с собой одежду, обувь и маршевое питание на 3—4 дня. Кто не явится — будет заповолен в бандитизме и с ними поступят соответствующим образом“. В Белоруссии, в районе Гайновичи (юго-восточнее Барановичи) немецкая карательная экспедиция сожгла в первой половине марта с. г. десятки деревень и расстреляла сотни жителей, в виде репрессии за неявку жителей для отправки на немецкую каторгу.

Из различных пунктов Литовской и Латвийской ССР сообщают об организованной гитлеровцами охоте на людей, загоняемых как на принудительные работы по строительству укреплений, так и на сборные пункты для отправки в немецкое рабство в Германию и оккупированные ею страны. На строительство оборонительных соору-

жений в Прибалтийских советских республиках мобилизовано свыше 300 тысяч человек, причем против уклоняющихся от занесения в списки так называемого „трудового фронта“ и от отправки в Германию применяются самые жестокие репрессии, вплоть до повешения.

Советские граждане на захваченных немцами территориях все чаще и все организованнее оказывают немецким рабовладельцам и их агентам мужественное сопротивление. Из прибалтийских, украинских, белорусских районов поступают многочисленные сообщения о массовом уходе не только взрослого мужского населения, но и скрывающихся от угона в Германию женщин и подростков — в партизанские отряды, в рядах которых они ограждают свою свободу. Рост партизанского движения в связи с сопротивлением советских людей насильственному уводу их в немецкое рабство с тревогой признается в ряде секретных донесений германских военных и полицейских органов.

Угоны советских людей в фашистское рабство, немцы устраивают на них облавы, организуют карательные экспедиции, оцепляют целые районы, города, ловят людей на дорогах, загоняют на сборные пункты. В распоряжении Советского правительства имеются многочисленные материалы, рисующие нечеловеческие условия насильственной отправки советских мирных граждан в Германию в захваченных, охраняемых солдатами или полицией вагонах. День и ночь из оккупированных районов Украины, Белоруссии и России идут в Германию эшелоны невольников. Людей грузят как скот по 60—70 человек в один товарный вагон. Обессиленных и больных выбрасывают из вагонов под откос, устилая трупами советских людей дороги на запад.

Вывавшаяся из фашистского плена жительница освобожденного частями Красной Армии города Миллерово Райса Давыденко рассказывает: „В холодных товарных вагонах было так тесно, что нельзя было даже повернуться. В каждом вагоне ехал надзиратель, который на всякую просьбу отвечал ударом палки. Вся дорогу нас морила голодом...“

Колхозница Варвара Бахтина из села Николаевка, Курской области, рассказывает: „В Курске нас впихнули в телятник по 50—60 человек в вагон. Выходить не разрешали. Немецкий часовой то и дело отпускал нам подзатыльники.“

(Продолжение см. на 3 стр.)

Нота Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова о массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии

(Продолжение.
Начало см. на 1 и 2 стр.)

Во Львове нас высадили, здесь мы проходили осмотр специальной комиссии. В присутствии солдат заставляли раздеваться догола, осматривали тело. Чем ближе к Германии, тем все больше пустел наш эшелон. Из Курска взяли 3000 человек, но почти на каждой станции выбрасывали больных и умирающих с голоду людей. В Германии нас заключили в лагерь, где находились советские военнопленные. Это был участок в лесу, обнесенный высокой оградой из колючей проволоки. Через 4 дня нас распределили по местам. Я, моя сестра Валентина и еще 13 девушек попали на военный завод.

Вывавшийся 8 октября 1942 года из Германии Белошкурский Владимир Петрович, 1924 года рождения, житель села Средне-Теплое, Верхне-Цыплянского района, Ворошиловградской области, сообщил: «В пути немецкие солдаты нас избивали. Я видел сам, когда наши подро-

стки выбегали на станциях попить воды, но солдаты их избивали. Избиению подвергались также мобилизованные девушки, их загоняли в вагоны и запирали на замки. Гражданское население Германии оскорбляло нас, сыпало в глаза песок и бросало камни, а дети дразнили нас словами „русские свиньи“. Наш эшелон находился в пути 12 суток. 18 сентября 1942 года мы прибыли в немецкий город Галле. Когда мы прибыли, нас выстроили, пришли немецкие барыни, начали выбирать себе девушек в рабыни».

Таким образом, следует считать установленным, что немецко-фашистские власти, пытаясь заполучить миллионы рабов, применяют по отношению к советскому гражданскому населению зверские насилия, а также передают при отправке захваченных советских граждан в немецкую неволю в такие условия, при которых значительная их часть гибнет уже в пути от голода, побоев и скотских условий перевозки людей в Германию.

III

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ МУЧЕНИЯ И ГИБЕЛЬ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ НЕВОЛЕ

Для сотен тысяч советских граждан, угнанных в Германию, гитлеровские рабовладельцы установили еще более ужасные условия каторжного труда, чем в худшие времена древнего рабства. Советские граждане загнаны в концентрационные лагеря, огороженные колючей проволокой. Их гонят на работу и возвращают колоннами, под охраной вооруженных гитлеровцев. Советских людей лишили имени, их вызывают по номерам. Русские и украинцы получают специальные опознавательные знаки: первые — знак с белой окантовкой по краям и словом „ОСТ“ посередине; вторые — носят такой же знак, с желтой окантовкой. Советские граждане не смеют отлучаться из лагеря. Для советских людей, ввергнутых в рабство, установлен голодный режим. Геринг предписал в своих упомянутых выше указаниях:

„Русский неприхотлив, поэтому его легко прокормить без заметного нарушения нашего продовольственного баланса. Его не следует баловать или приучать к немецкой пище“.

В самих фашистских немецких газетах встречаются такие описания положения советских граждан в Германии, как, например, следующее опубликованное во „Франкфуртер цейтунг“ 17 апреля 1942 года:

„Рабочие оккупированных советских областей стоят в лагере, огражденном колючей проволокой. Этим людям, привезенных из Харьковского района в Германию, нужно,

разумеется, держать в строгости, смотреть за ними, ибо нет никакой гарантии, что между ними нет большевиков, способных к актам саботажа. Их ближайший начальник... поддерживает авторитет при помощи кнута“.

Страшные документы нечеловеческих страданий наших людей на немецкой каторге отражены в письмах к родным.

„Мамочка,— пишет Нона Г. 8 октября 1942 года из немецкого лагеря,—погода здесь плохая, идут все время дожди. Я хожу босая, потому что у меня обуви нет. Хожу, как нищая. Хлеб получаем два раза в день по 100 граммов. Работаем 12 часов в день. Мамочка, тоска ужасная, кроме завода и бараков ничего не знаем. Как приду с работы, упаду на кровать, заплачушь вдоволь, вспомню дом и вас, и с тем засну. За короткое время нашей жизни здесь мы все выбились из сил, недосыпаем, недоедаем. В маленькой комнате нас 16 человек, все украинки и я. Если придется увидиться, то расскажу все. Но увидиться навряд ли придется, потому что зимовать остаемся в летних бараках из досок. При таком питании, да без сна, да голой и босой не выжить мне. Если можете, не откажите в моей просьбе, выпишите чесноку и луку, потому что пища однообразная. У меня уже болят десны—цыганга начинается“.

В другом письме, 10 ноября 1942 года, та же советская девушка пишет: „Наша жизнь, мамочка, хуже, чем у собаки.

Суп такой же зеленый, который попрежнему никто не ест. У меня от голода иссох мозг, и глаза от слез не видят. Сегодня все 12 часов работала голодная. Но плачь, не плачь, а работать нужно... Какая может быть работа у человека, голодного изо дня в день. Придет начальник или сбоку сидящая немка подгонит: „Нона, арбайтен шнеллер, шнеллер!“ („Нона, быстрее, быстрее работать!“). Дорогая мамочка, как мне тяжело без вас. Я не в силах сдержать рыдания. Я от обиды плачу. Ой, есть еще и хуже, еще тяжелее, но и не в силах описать. Мы уже привыкли к тому, что в два часа ночи открывается дверь, полицай зажигает огонь и кричит: „Ауф - штэй!“ („Встать!“). Сразу все встаем и выходим во двор. Стоим час. Начинают нас считать. Ждем вторую смену, когда войдет во двор. Замерзаем, пока стоим во дворе. Мыслимо ли — почти босые все. А иной раз проливной дождь идет или мороз. Я просто не в силах всех переживаний и мучений описать... Мамочка, я устала. В город нас не отпускают, живем в лесу. Прослышали, что нас переводят на другой завод. Сейчас работаем вместе с украинцами, французами и сербами. Мамочка, если можно, то вышлите посылку—луку и чесноку—у меня цыганга. Не откажите в моей просьбе“.

Увезенная в Германию девушка Маша Н. из Ворошиловградской области пишет своей матери:

„Здравствуй моя дорогая и любимая мамочка. Пишу тебе письмо четвертое, но ответа нет никакого. Мама, живу я у хозяина. Семья маленькая: их двое и один ребенок, но работы мне, мама, хватает. Всего 8 комнат и один коридор. Встаю в 5 часов утра, ложусь я в 10 часов ночи. Мама, каждый день стираю я утром и вечером. Хозяин всегда кричит, так я его боюсь, что я ужаснусь и кричу во сне. За все время один раз пустили меня в воскресенье в лагерь к нашим. Я вернулась и опоздала на полчаса. Мама, как меня хозяйка бил по лицу, рвал за волосы, так я всю жизнь не забуду. Мама, заплатили мне за месяц 7 марок и 50 пфеннигов. Свое я последнее дотираю, нет ничего у меня ихнего. Мама, нам говорили, чтобы мы послали домой письма, чтобы из дому высылали пальто, валенки. Прошу тебя, золотая мамочка, будишь нажимать, ничего сюда не шли, все равно не получу. Что мне делать? Домой не отпускают, а больше терпеть нет сил. Каждый день плачу и наверное один выход, покончить свою жизнь. Мама, родная, если хочешь видеть меня живой, выручи меня отсюда из неволи. Дальше я не могу

жить и все это терпеть. Мама, родная, постарайся это сделать. Я тебя отблагодарю, если только буду жива. Ну, мамочка, больше не могу писать, слезы душат. Целую всех родных. Твоя пока дочь Маша“.

Советская девушка Надя Л. пишет из г. Хемница на родину: „Дорогая мама! мы живем в бараке—60 душ, спим на соломе. В этом бараке очень холодно. На работу мы ходим на трикотажную фабрику. Работаем с 6 часов утра до 9 часов вечера, здесь нам дают утром тарелку окропу (кипятку) и 50 граммов хлеба, на обед суп без хлеба, на ужин суп без хлеба. А еще на работе дают хлеб—утром 25 граммов и в обед 25 граммов. Пища, дорогая, мама, плоховата, но это ничего, если бы только домой. Письмо мы ваше получили, мама, и плакали. Очень я тоскую, что живу в неволе. Не вижу света, не вижу ничего, кроме своего барака страшного. Нас водят на работу и с работы, как невольников“.

Маня К. пишет родителям: „Мы живем в Германии в городе Бланкенбурге. Работаем у хозяина 33 человека. Здесь и украинцы, поляки, французы и русские. Кормят нас плохо. Хлеба дают очень мало, работы по горло. За нами смотрит надзиратель. За каждым нашим шагом следят. Никуда ни пускают. Только с работы, да на работу. Работаем по 12 часов, а на работу ходить не в чем. Денег нам не дают. Дорогой папочка, как надоело быть невольниками и работать не знаю на кого и за что. Да и труд наш не ценят. Нас все преследуют и смеются. Были бы крылышки, прилетела бы на родную сторонку“.

Девушка Ф. И. пишет родителям в Курск во время его оккупации немцами: „Мы в Германии заключенные. Нам живется очень плохо. Работаем в поле. Питаемся два раза—утром 200 граммов хлеба и в обед одну миску супа. Работы очень много. Я очень, очень жалею, что уехала в Германию. У нашего хозяина 28 человек—русские, польки, французенки. Кроме того, 15 польских девушек у другого хозяина, только они спят и питаются у нашего хозяина. Мы с Катей живем вместе, спим на одной кровати. Мамочка, мы работаем в Германии за спасибо. Все свое спонсила, покупать негде и денег нет. Проработали 4 месяца и ни одной копейки не получили. Живем в тюрьме. Одним словом догадайтесь, как живем“.

Из лагеря в гор. Штуттгарте 3 января 1943 года Леонид Д. пишет на родину в гор. Щигры, Курской области: „Здравствуйте дорогие родные, папа мама Рая, Ваня, и братик Юрик. Первым делом я хочу вам описать свою

жизнь с начала до конца. Дорогие родные, когда мы приехали в Германию, нас сортировали в распределительном лагере и я с тех пор разбилась с сестрой Зоей и до сих пор не видел ее. Милая мама, ходили грязные, не купались по два месяца, кормили вшей. Завод от лагеря 5 километров, а от питания я еле двигаю ноги, так что эта жизнь в Германии останется на всю жизнь в памяти. Если выживу и вернусь домой, то все расскажу, так что у вас, мои родные, станут волосы дыбом. Я уже решил покончить свою жизнь, но воздержался, думаю, придет наше лучшее время. Дорогая мамочка, если бы были у меня крылья, как бы улетел отсюда“.

17-летняя Нина С. пишет с чужбины на родину 18 августа 1942 года: „Дорогие родители папа и мама, я махожусь в гор. Зонненберге, живу в бараке, работаю на фабрике. Как трудно! Я вовсе похудела. Мамочка, мы живем за решеткой, как тюремные. Я туфли уже разбила и хожу разутая на работу... Как трудно жить! Ой, как я переживу все это...“

Потерявший здоровье на немецкой каторге и вернувшийся на родину Филипп Боцман рассказывает: „...Деревня Мироновка должна была поставить для отправки в Германию 20 юношей и девушек. Хватали молодежь на улицах, брали ночью в постелях. Дважды мне удавалось скрыться, вырваться, на третий раз меня поймали, заперли в вагоне. Вместе с другими я попал в Берлин. В холодную казарму, обнесенную высоким забором, загнали несколько сот человек. Спали на каменном полу. Я попал на трикотажную фабрику, где изготвляли военное обмундирование. Работали здесь французы, военнопленные поляки, испанцы. Подозрительней всего относились немецкие мастера и надзиратели к русским. Чуть что — рукоприкладство, ругань. Работали безразличная спина, молча. Обед тут же, в цеху—миска холодного супа из картофельной шелухи. Хлеба к этому обеду уже не оставалось. Все 300 граммов суррогатного хлеба поедались еще утром. Вечером пригоняли обратно в казарму. И так каждый день. Усталость, голод, тоска. Одна девушка из Орловской области, избитая надзирателем, повесилась. Некоторые пытались бежать, но это было трудно — выдаст первый же немец, который признает в тебе русского. Для поимки беглецов немцы пользуются собаками. Голод, тяжелый труд подорвали мое здоровье“.

